

---

## РАБОТА В. Я. БРЮСОВА НАД ВТОРЫМ ИЗДАНИЕМ «ПОЭЗИИ АРМЕНИИ»

К. В. АИВАЗЯН

Истории создания и редактирования В. Я. Брюсовым антологии «Поэзия Армении», его поистине титаническому переводческому труду, научным изысканиям в области армянской поэзии посвящен ряд специальных исследований армянских литературоведов. Однако и по сегодняшний день обнаруживаются все новые и новые факты, связанные с этой стороной деятельности выдающегося русского поэта, дополняющие наше знание о нем и позволяющие глубже проникать в его творческую лабораторию.

Не так давно, в 1959 г., Г. Татосян обнаружил в архиве Брюсова и ввел в научный оборот чрезвычайно интересный документ — записку поэта в Московский Армянский комитет относительно издания сборника армянской художественной прозы «Айастан», датированную 15 февраля 1917 г. В свете этого документа особую доказательность получают те строки из вступительного очерка в антологии «Поэзия Армении», в которых Брюсов писал: «Никакие внешние соображения не могли бы заставить меня, — или кого другого, — совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в это дело! Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества»<sup>1</sup>.

В. Я. Брюсов по-настоящему был увлечен армянской литературой и историей, он «заболел» Арменией настолько всерьез и надолго, что, помимо уже известных переводов и научно-популярных очерков по армянской поэзии и истории, задумал новый грандиозный труд — сборник прозы от Монсея Хоренского до современных ему армянских беллетристов, который должен был «дать читателю полную картину армянской культуры «за все века ее существования» и вместе с тем «представлять»

<sup>1</sup> «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Изд. Московского Армянского комитета. М., 1916, стр. 5—6.

собой для среднеинтеллигентного читателя книгу для чтения интересную, а по возможности, и увлекательную»<sup>2</sup>.

Замысел Брюсова не был реализован — наступившие бурные революционные дни 1917 г. вовлекли поэта в новый круг обязанностей. Тотчас же после Февральской революции Брюсов поступил на службу в качестве заведующего в Московскую книжную палату, а затем, после Октября, — на работу в Народный комиссариат просвещения.

К этому же времени — к 1917 г. относится и другой неосуществленный замысел Брюсова, который также удалось установить сейчас, — подготовка им второго издания антологии «Поэзии Армении». В работах наших литературоведов, например в книге К. Григоряна, говорится о том, что в 1917 г. готовилось второе издание сборника, в которое редакция, видимо, внесла бы некоторые необходимые дополнения и, в частности, было бы уделено заслуженное место основоположнику армянской пролетарской поэзии А. Акопяну<sup>3</sup>. Надо сказать, что подобные предположения небеспочвенны — для них имеется ряд, правда, не прямых, но косвенных свидетельств.

В упомянутой выше записке относительно издания сборника прозы «Айастан» Брюсов отмечает несомненный успех «Поэзии Армении» и ее значение «в деле ознакомления русского общества с прошлым Армении и ее литературы, без чего невозможно и правильное знакомство с настоящим армянского народа; по-видимому, бесполезным оказался сборник и для части армянских читателей, не владеющих древне- и староармянским языком или не имеющих времени изучать историю родной поэзии в подлинниках»<sup>4</sup>.

Именно широкое одобрение и высокая оценка сборника «Поэзия Армении» армянской и русской общественностью возбудили в поэте, по его словам, желание продолжать начатое им дело — создать сборник художественной прозы, с каковой целью он (В. Я. Брюсов) «счел бы своим долгом предпринять изучение древнеармянского языка, чтоб иметь возможность контролировать переводы»<sup>5</sup>. Из сказанного можно сделать заключение, что при этих обстоятельствах — безусловном успехе антологии — навряд ли поэт не возвратился бы к своему первому детищу — «Поэзии Армении».

Некоторые сведения о наличии у Брюсова желания подготовить второе издание антологии «Поэзия Армении» содержатся и в воспоминаниях вдовы поэта — Иоанны Матвеевны Брюсовой, которая утверждает, что Брюсов действительно предполагал заново отредактировать весь сборник в целом. Однако, повторяем, отсутствовало главное доказательство — сама работа Брюсова над второй редакцией, пока, буквально ни

<sup>2</sup> Г. Татосян. Из Архива Валерия Брюсова. «Известия» АН Армянской ССР, общественные науки, 1959, № 5, стр. 89.

<sup>3</sup> См. К. Григорян. В. Я. Брюсов и армянская поэзия. Изд-во «Восточная литература», 1962, стр. 47—48.

<sup>4</sup> См. Г. Татосян. Ук. статья, стр. 88.

<sup>5</sup> Там же, стр. 92.

днях, не был обнаружен экземпляр первого издания «Поэзии Армении», который служил рабочей книгой для поэта в задуманном им переиздании антологии. Этот экземпляр сохранился у секретаря вдовы поэта — Елены Владимировны Чудецкой — и был ею вручен кабинету по изучению творчества Брюсова при Ереванском государственном педагогическом институте, носящем имя поэта.

Данный экземпляр сборника «Поэзия Армении» позднее был переплетен в картонный переплет зеленого цвета, и поэтому обложка работы М. Сарьяна — многоцветная автотипия — отсутствует. Все пометы и исправления текста сделаны рукой Брюсова, частично чернилами черного цвета и частично карандашом, причем последним главным образом произведены сокращения. Поправки, внесенные Брюсовым, в отличие от неразборчивого и сокращенного письма, характерного для поэта, здесь сделаны чисто и четко, видимо в расчете на непосредственный набор в типографии. Последнее подтверждается и тем, что учтена каждая мелочь с целью избежать неточностей в корректуре.

На форзаце, после заглавия «Поэзия Армении. Народная — Средневековая — Новая, в переводе русских поэтов» Брюсовым добавлено «Издание второе». То же и на титульном листе, где после перечисления фамилий русских поэтов-переводчиков и указания, что редакция, вступительный очерк принадлежат Валерию Брюсову, его рукой дописано: «Издание второе, пересмотренное и дополненное, Московского Армянского комитета, Москва, 1917».

Итак, цель работы Брюсова над антологией ясно указана уже на титульном листе, что подтверждает имевшиеся предположения о подготовке поэтом второго издания «Поэзии Армении».

По некоторым правкам новой редакции можно более или менее точно установить и время работы Брюсова над подготовкой второго издания сборника.

В историко-литературном очерке первого издания, рассматривая поэзию константинопольских армян, В. Я. Брюсов писал:

«Великая война наших дней должна во многом изменить положение армянского народа, и это, конечно, отразится в армянской литературе и в армянской поэзии. Можно надеяться, что произойдет более тесное сближение между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянского народа, что западные армяне подадут руку восточным, и в литературе две отдельные «школы» сольются в одну...»<sup>6</sup>.

В подготовлявшемся новом издании первое предложение рукой Брюсова зачеркнуто, а второе написано им в следующей редакции:

«Окончательного сближения между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянского народа, можно ждать лишь по окончании великой войны. Надо надеяться, что тогда западные армяне подадут руку восточным, и в литературе две отдельные «школы» сольются в одну». Следовательно, если 15 февраля 1917 г., обращаясь с запиской с

<sup>6</sup> «Поэзия Армении...», стр. 88.



# ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ  
ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта,  
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,  
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,  
Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова,  
Федора Сологуба, В. Ф. Ходасевича,  
С. В. Шервинскаго и др.,

подъ редакцией, со вступительнымъ  
очеркомъ и примѣчаніями  
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

*Издание второе,  
пересмотренное и дополненное,  
Московского Армянскаго Комитета.*

Издано  
Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ.  
*Москва, 1917.*

«борнике прозы в Московский Армянский комитет, Брюсов, упомянув о несомненном успехе антологии «Поэзии Армении», вместе с тем ни словом не обмолвился о ее переиздании, то навряд ли он уже приступил к этой работе. Из содержания же нового варианта абзаца, приведенного выше, явствует, что в момент его написания Россия продолжала еще участвовать в мировой империалистической войне, причем это участие, как известно, продолжалось до конца октября 1917 г., т. е. до Великой Октябрьской социалистической революции. Именно в этот промежуток времени, между февралем и октябрём 1917 г., Брюсов и занялся подготовкой второго издания, о чем свидетельствует найденный экземпляр сборника.

Прежде чем ознакомиться с характером исправлений и дополнений, которые внесены Брюсовым, необходимо заметить, что подготовка сборника не была окончательно завершена; точнее, работа была начата, многое сделано, но не меньше оставалось доделать, чему, видимо, мешали обстоятельства, о которых сказано выше. Вместе с тем отсутствие многократных перечеркиваний и помарок дает право думать, что изменения явились плодом долгих раздумий Брюсова и перенесены в рассматриваемый рабочий экземпляр сборника с каких-то черновиков.

В каком же направлении шла редакторская работа Брюсова, что он пересмотрел, чем он дополнил сборник?

Изменения коснулись в первую очередь построения сборника, т. е. того, чему Брюсов, как известно, всегда придавал первостепенное значение. Эту часть своего замысла по пересмотру композиции сборника поэт осуществил целиком — от начала до конца книги.

В первом издании сборник «Поэзия Армении» открывался «Объяснениями от редакции», состоящими из трех глав: I. От редактора к читателям. II. Задачи издания. III. Распределение работ. Затем шла вторая часть — историко-литературный очерк В. Я. Брюсова «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков».

В новой редакции Брюсов объединил обе части сборника под общим заглавием «Предисловия», куда включил: I. Предисловие ко второму изданию. II. От редактора к читателям. III. Из предисловия к первому изданию. IV. Вступительный очерк.

То же самое, но с уточнением авторства, Брюсов указал на оборотной (второй) странице<sup>7</sup>: I. Редакция. Предисловие ко второму изданию. II. Валерий Брюсов. От редактора к читателям. III. Редакция. Из предисловия к первому изданию. IV. Валерий Брюсов. Вступительный очерк.

В данном экземпляре книги нет первой главы — предисловия ко второму изданию; предисловие, видимо, должно было быть написано редакционной комиссией, работавшей, как известно, при первом издании в составе К. Б. Кусикьяна (скончавшегося еще до выхода в свет антологии), Карэна Микаэляна, А. И. Цатуриана и П. Н. Макинцяна. Остальные три главы переработаны Брюсовым и им же произведена следующая

<sup>7</sup> Здесь и дальше нами не показывается само собой разумеющаяся архитектурно-архитектоническая разбивка заголовков.

перестановка: бывшая в первом издании вторая глава «Задачи издания» переименована в «Из предисловий к 1-му изданию» и в новой редакции превратилась в третью главу; бывшая самостоятельной третья глава «Распределение работ» стала продолжением новой второй главы; шмуц-титул, который открывал историко-литературный очерк и отделял его от первой части, ликвидирован (рукой Брюсова написано: «Шмуцтитул не надо»). В результате произведенные исправления привели к тому, что весь этот раздел сборника приобрел компактность, получил внутреннее композиционное единство, а, значит, стал в своей целостности легче воспринимаем и доступен читателю — обстоятельство, не маловажное для тех времен и поэтому постоянно принимаемое во внимание Брюсовым. Подобной перестройке подвергнут и второй раздел антологии — переводы армянской поэзии.

В первом издании, руководствуясь общим замыслом сборника, Брюсов разделил поэзию Армении на три части или отдела: I. Народная поэзия. II. Поэзия средневековья и поэзия ашугов. III. Новая поэзия. В свою очередь каждый из отделов распадался на подотделы: народная поэзия на два подотдела — лирические песни и эпические сказания; поэзия средневековья и поэзия ашугов на три подотдела — ранняя религиозная поэзия (V—XII в.) в стихах Григория Нарекского, в церковных шараканах и в произведениях Нерсеса Благодатного; лирика средневековья (XIII—XVII в.); песни ашугов. Новая поэзия получила два подотдела — поэзия русских армян и поэзия турецких (константинопольских) армян. Наконец каждый из подотделов подразделялся по жанрам и по отдельным писателям. К примеру, после шмуцтитула отдела «Народная поэзия» шли шмуцтитулы «Песни. Любовные, обрядовые, военные, думки и др.», «Эпос» и т. п.

Подготавливая сборник ко второму изданию, Брюсов оставил без изменения весь отдел новой армянской поэзии<sup>8</sup>, подвергнув значительной переработке первые два отдела — народной поэзии и поэзии средневековья и ашугов. Сохранив здесь внутри отделов подотделы, он снял шмуцтитулы между подотделами, а в ряде случаев также и внутри самих подотделов. В новой редакции после шмуцтитула «Народная поэзия» тут же внизу под строкой В. Я. Брюсов приписал: «Лирика — эпос», а на оборотной стороне листа, в оглавлении отдела, где перечислены названия песен и лирические жанры (числом семь) внес: VIII. Эпос. 1. Владыка Аслан. Сказка. 2. Давид Сасунский. Народная эпопея».

Страница, открывающая отдел «Песни средневековья и песни ашугов», как и следующая, озаглавливающая подотдел «Из шаракана. Древ-

<sup>8</sup> Этот отдел сборника, как и последующие за ним «Примечания», не несут на себе следов работы В. Я. Брюсова, за исключением исправлений опечаток и небольшой правки в примечании к «Джангюлюму», где в объяснении слова «шамам — особый ароматичный плод, вроде дыни» прибавлено «маленькой». Тут возможны двоякие предположения: первое, что Брюсов прервал редактирование, убедившись в невозможности второго издания сборника, что наиболее вероятно, и другое, что был удовлетворен данным состоянием этих частей, что менее вероятно.



нейшие гимны V в.— VII в.» перечеркнуты, и этой последней В. Я. Брюсовым написаны новые наименования: «Поэзия средневековья и песни ашугов. V—X в. Из шаракана. Григорий Нарекский». На обороте страницы в оглавление внесены стихотворения Григория Нарекского «Алмазная роза» и «Песнь на воскресение Христово».

Выделен шмуцтитлом Нерсес Благодатный, но век XII поставлен сверху над автором. Глава «Фрик» в новой редакции слита с главами, посвященными Иоанну Ерзынкайскому (Ованес Плуз) и Константину Ерзынкайскому, причем объединяющим этих поэтов моментом становится время — XIII—XIV в., вынесенное В. Я. Брюсовым в первую строку заглавия. Соответственно оглавление на обороте страницы выглядит так: «Фрик. 1. Жалобы (отрывок). 2. Колесо судьбы. Перевел Валерий Брюсов. Затем: Иоанн Ерзынкайский. 1. Г н о м и ч е с к и е р а з м ы ш л е н и я. I—IV. Перевел Валерий Брюсов и, наконец, Константин Ерзынкайский. 1. В е с н а. Перевел Валерий Брюсов». По этому же принципу перестроены все последующие главы средневековой поэзии и поэзии ашугов. Глава «Аракел Багешский» (XIV—XV в.) соединена с главами «Мкртыч Нагаш», «Ованнес Тылкуранский», «Ованнес», в заглавие вынесено «XIV—XVI в.», а оглавление на обороте шмуцтитла включает всех названных выше авторов и их произведения. Глава «Григорий Ахтамарский и Наапет Кучак» объединены под заглавием «XVI в.», главы «Неремия Кемурджиан», «Наапет Ионатан», «Степанос» — под заглавием «XVII—XVIII в.» и, наконец, главы «Саят-Нова», «Лукианос», «Дживани» — под заглавием «XVIII—XIX в.».

Таким образом, перестройка в наибольшей степени затронула средневековую армянскую поэзию и песни ашугов, причем Брюсов выкинул и последовательно провел хронологический принцип расположения материала. Этот принцип выделяется Брюсовым даже графически — где имеется помета для наборщика: против цифры века написано «крупно», против авторов — «мельче». Однако тут не просто хронология, не только поэзия данного века или данных веков, а и идейно-тематическое, жанровое и стилистическое единство. Это прослеживается четко во всех подразделениях средневековой поэзии и поэзии ашугов рассматриваемой нами редакцией сборника. Так, в своем вступительном очерке Брюсов выделяет раннюю религиозную поэзию (V—XII вв.) — шараканы, произведения Григория Нарекского и Нерсеса Благодатного в первый подраздел, но поэтический материал этого подраздела ставит не под общим заголовком указанных веков, а выделяет в специальную главу под заглавием «XII век» произведения Нерсеса Благодатного. Основанием подобного деления являются, с одной стороны, общность содержания и формально-жанровых признаков шараканов и гимнов Григория Нарекского (хотя в его стихах Брюсов усматривает «претворение «светской» поэзии средневековья»), но, с другой — победа этой светскости, а следовательно, новаторство формы, в той же поэме Нерсеса Благодатного «На взятие Эдессы».

Не будем умножать примеры. Сошлемся еще на группировку под общим заголовком «XVIII—XIX в.» произведений Саят-Новы, Лукнана-са, Дживани — ашугов-поэтов нового типа, носителей не только фольклорной традиции, но, по словам Брюсова, людей книги, знакомых со средневековой армянской лирикой, развивших эти начала дальше. Сближение в общей главе их имен оправдано общностью творческих принципов и единством, в самой своей основе, стиля поэтов-ашугов.

Конечно, может быть предметом обсуждения научная обоснованность объединения в пределах того или иного века творчества различных поэтов. Но одно остается вне сомнений, что новая архитектура сборника явилась следствием более глубокого ознакомления Брюсова с армянской поэзией. И, вместе с тем, изменения, внесенные Брюсовым в компоновку поэтического материала, придали сборнику большую обобщенность, чтобы опять-таки сделать его доступнее читателю.

Более интересным и существенным с точки зрения редакторской работы Брюсова при подготовке второго издания сборника нам представляется переработка всех глав «Предисловия». Она проведена в трех направлениях: сокращения в тексте, его стилистическая правка, ряд добавлений, давших новое освещение фактам армянской поэзии.

Во всех указанных главах «Предисловия» сделаны значительные сокращения. В первом издании, в главе «От редактора к читателям», отмечая недостаток литературы относительно прошлой истории культуры Армении, Брюсов отсылал читателя к своей брошюре «Очерк исторических судеб армянского народа» и работам других авторов на русском языке. В новой редакции эта ссылка Брюсовым сокращена. Во второй главе первого издания — «Задача издания», а ныне — «Из предисловия к 1-му изданию» в самом тексте перечеркнут весь абзац, в котором названы русские переводчики и их переводы произведений армянской поэзии, а также упоминания об отдельных книгах, посвященных армянским поэтам и писателям. В этой же главе подверглись сокращению части, в которых излагаются принципы отбора произведений, включенных в книгу, оценки достоинств самого перевода (их качества), некоторые замечания относительно индивидуальных особенностей русских поэтов-переводчиков, данные в наиболее общей форме, и разъяснения о характере помещенных в конце антологии «объяснительных примечаний». Наконец в третьей главе первого издания «Распределение работ», теперь вошедшей уже в названную выше «Из предисловия к 1-му изданию», вычеркнута фраза, которую мы бы сейчас назвали перестраховочной («...ради правильного распределения ответственности, редакция считает нужным указать, как была распределена работа между сотрудниками книги»), и заключительный абзац этой главы, где перечислялись поэты-переводчики и их работа.

Что сокращал В. Я. Брюсов в этой части «Предисловия»? Вычеркнуты ссылки на литературу по истории Армении и по армянской литературе, а также перечисление русских переводов армянских писателей, так как все это дано в приложенной к сборнику «Библиографии». По этой же причине сняты имена участвовавших в сборнике русских поэтов-перевод-



чиков и их работы, поскольку и на оборотах шмуцтитолов и в оглавлении против каждого произведения названы имена переводчиков. Зачеркнуты некоторые объяснения выбора тех или иных поэтов и их произведений для сборника, так как во «Вступительном очерке» содержится развернутая характеристика их творчества. Сокращены упоминания об армянских поэтах, чьи произведения не вошли в сборник, так как в тех же «Примечаниях» все более или менее известные из них перечислены. Наконец Брюсов отказался от беглой характеристики творческого своеобразия каждого из русских поэтов-переводчиков: она, по существу, не раскрывала их индивидуальных особенностей и ограничивалась общей эмоциональной оценкой.

Но если сокращения в первых главах «Предисловия» имеют назначение главным образом избежать всякого рода повторений, то во «Вступительном очерке» наряду с этой задачей преследуется цель придать анализу литературных фактов большую научность и точность. Везде перечеркнуты переложения помещенных в сборнике стихотворений — и это несмотря на замечательное умение Брюсова лаконично, но не умерщвляя образной ткани, передать содержание произведения. Так, в первом издании очерка, говоря о народных песнях, помещенных в сборнике, Брюсов пишет: «Все же можно обратить внимание читателей на такие вещи, как «Ноктюрн» (название, конечно, позднейшее, данное собирателями), очарование которой в той сдержанности, с какой народный певец передает пламенную роскошь южной ночи: на любовную песню: «О, злая с черной красотой...», в которой утонченность самого построения, особого рефрена с повторением только что сказанных слов, сделала бы честь любому мастеру стиха наших дней; на маленькую, записанную на берегу Вана песенку: «Ах, раствориться и стать водой...», где в семи строках целое море нежности и где поражает именно неожиданный подход к столь, казалось бы, избитому сюжету...»<sup>9</sup> и т. п. Весь абзац зачеркнут В. Я. Брюсовым, как и перечеркнуто изложение содержания шараканов, приписываемых авторам V в.: «Содержанием таких ранних шараканов служат, по большей части, эпизоды из земной жизни Спасителя. Напомнив, в кратких словах, то или иное евангельское событие, поэты затем изливают свои чувства в смиренном, покаянном сокрушении о грехах или в восторженном гимне, славящем конечное торжество истины. Почти все эти песни очень кратки; их образы заимствованы из святого писания; поэтическое значение этих гимнов — в подлинном одушевлении авторов. В нашем сборнике ранние шараканы представлены несколькими отрывками, приписываемыми св. Месропу и Иоанну I Мандакунни...»<sup>10</sup>.

Подобных сокращений во второй редакции «Вступительного очерка» немало — и на первый взгляд они кажутся несколько неоправданными. Предельно сжатые, но емкие мыслями, двумя-тремя меткими штрихами раскрывающие художественное своеобразие произведения, эти

<sup>9</sup> «Поэзия Армении...», стр. 39.

<sup>10</sup> Там же, стр. 43.

ранние шараканы напоминают собой лирические стихотворения. Между тем тут проявилась еще одна черта творческой личности поэта — доверие к читателю, к его эстетическому вкусу и, вместе с тем, высокая оценка армянской поэзии, ее лучших образцов, которые и без навязчивой рекомендации, без указующего перста критика сами приведут в движение «тысячу лет миллионов сердца». Помимо зачеркнутого Брюсовым текста в ряде мест, поставлены вопросительные знаки и особые пометы, видимо, чтобы позднее вновь возвратиться к этим местам с целью либо сокращения, либо стилистической обработки текста.

Наряду с сокращениями, другим видом редакторской работы Брюсова в «Предисловиях», как говорилось выше, явилась стилистическая правка текста. Кого из читателей, знакомых с этими главами по первому изданию, не поражала исключительная точность и экономность в выборе выражений, когда поистине слогам тесно, а мыслям просторно. И вместе с тем, как взыскательный художник, В. Я. Брюсов, готовя второе издание сборника, подверг скрупулезному рассмотрению каждое слово и внес ряд поправок. Привести их невозможно — для этого пришлось бы процитировать много текста из нового «Предисловия», и поэтому ограничимся некоторыми образцами.

Так, в главе «От редактора к читателям» первого издания одно из предложений выглядело следующим образом: «И я не могу, в заключение, не повторить слов, сказанных мною в другом месте, когда я применил к этой лирике четверостишие Фета о поэзии Тютчева...». Это же предложение, после правки В. Я. Брюсова: «К лирике армянского средневековья вполне применимо четверостишие Фета о поэзии Тютчева...».

В историко-литературном очерке, говоря о Саят-Нове и его последователях, Брюсов писал: «Исключение мы можем только сделать для двух позднейших ашугов, во-первых, чтобы все же охарактеризовать творчество народных певцов наших дней, а, во-вторых, потому, что у обоих этих поэтов, сильнее, чем у других, звучит нечто свое, новое. Мы говорим об ашугах Лункианосе и Дживани». В новой редакции — во «Вступительном очерке»: «Отметим только двух из позднейших ашугов, у которых сильнее, чем у других, звучит нечто свое, новое: это Лункианос и Дживани».

Наконец еще образец небольшой, но примечательной правки. В первом издании: «Роднит же Цатуряна с плеядой его современников также прикосновенность его поэзии к поэзии народной, которую мы отмечали у всех деятелей школы «русских армян». В новой редакции: «Роднит же Цатуряна с плеядой его современников также прикосновенность его поэзии к поэзии народной, которой отмечена вся деятельность школы «русских армян». Изменено окончание четырех слов, снято местоимение «мы» и предлог «у» — и мысль, выраженная в предложении, приобрела ясность и четкость: если в первом случае речь шла о близости к устной народной поэзии самих армянских писателей, то во втором — народности их творчества, что, конечно, правильнее и глубже характеризует дея-



тельность представленных в сборнике лучших поэтов школы «русских армян».

Приведенные примеры показывают не только поиски Брюсовыми речи сжатой и точной, но и высшее сознание им значения своей работы над антологией, желания сделать сборник, говоря словами академика Н. Ю. Крачковского из письма В. Я. Брюсову, «образцовым изданием, литературно-изысканном и в то же время научно-добросовестным». Этим же задачам служат и дополнения, внесенные во «Вступительный очерк» его автором. Часть из них — уточнения исторических и литературных фактов. Так, сообщая в первом издании сборника биографические сведения о Рафаэле Патканяне, Брюсов писал, что отец армянского поэта Габриэл тоже сочинял стихи, занимался публицистической деятельностью и основал первый в России армянский журнал. «Все три сына Габриэла, — продолжал В. Я. Брюсов, — стали писателями: Микаэл, кроме статей публицистического характера, писал комедии и организовал первый в Тифлисе публичный театр; Керопэ, заняв в Петроградском университете кафедру армянской словесности и истории, составил ряд научных трудов и ряд стихотворных переводов европейских классиков; наконец Рафаэль Патканян стал знаменитым поэтом»<sup>11</sup>. Теперь Брюсов вносит поправку — он вычеркивает строку о трех сыновьях Габриэла и пишет: «Брат поэта, Микаэл, также немало поработал в литературе: кроме статей публицистического характера, он писал комедии и организовал первый в Тифлисе публичный театр; двоюродный брат поэта, Керопэ, занимал в Петроградском университете кафедру... и т. д.».

Излагая жизненный путь Иоаннеса Иоаннисиана, Брюсов писал в первом издании, что некоторое время Иоаннисиан был преподавателем в Эчмиадзинской академии, затем — в семинарии в Тифлисе, а в последние годы переселился в Баку, где занял должность инспектора городских училищ. В новой редакции Брюсов уточняет последнее место работы Иоаннисиана и пишет: «...переселился в Баку, где был избран на должность председателя городского совета о народных училищах».

Невозможно хотя бы мимоходом не отметить в связи с этой поправкой исключительную научную добросовестность В. Я. Брюсова, проявляющуюся даже в мелочах. Примечательно «не занял должность», а именно «был избран на должность». В этой детали — выражение глубокого уважения к армянскому поэту, подчеркивание того, что не от властей предержащих он получил должность, а удостоился высокого доверия своих соотечественников, избравших его на должность.

Подобных уточнений в процессе редакторской работы Брюсовым сделано немало. Однако из всех изменений и исправлений, внесенных им во «Вступительный очерк», наиболее примечательна переработка тех частей очерка, которые посвящены новейшей армянской поэзии.

Останавливаясь на путях развития поэтической школы «турецких армян» и прослеживая те влияния, которые она испытывала, главным об-

<sup>11</sup> Там же, стр. 71.



разом французских «парнасцев», Брюсов писал в первом издании сборника: «Спасительным элементом оставался для армянских поэтов их неизменная любовь к родине, которая согревала и оживляла их «парнаские» создания. Впрочем, некоторые из поэтов даже в выборе тем не избегли влияния своих западных сотоварищей и, уклонившись от чисто национальных сюжетов, разрабатывали задачи интернациональные. Несомненно, по своей абсолютной ценности, иные из таких стихотворений не уступают написанным на темы народные, связанные с жизнью Армении. Для читателя-армянина эти произведения «турецких армян» могут представлять высокое очарование, так как на родном языке дают ему ту же красоту, которую он должен был бы иначе искать в созданиях чужеземных поэтов. Но такое очарование исчезает для читателя другой нации, который может знакомиться с этой красотой или в стихах своих поэтов, или в какой-либо иной, неармянской, литературе. Историческое значение за делом школы «турецких армян» остается, и для армянской литературы она дала много необходимого и прекрасного; но ее значение для читателей неармян через это значительно уменьшается. В частности, русский читатель — и те «вечные» темы, которые столь успешно и охотно разрабатывает школа «турецких армян», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигает она в своих лучших созданиях, — знает и по стихам русских поэтов и по творчеству французских парнасцев. Вот почему в нашем сборнике поэзии «турецких армян» уделено меньше места, нежели «русских», хотя мы высоко ценим отдельные произведения западных армянских поэтов»<sup>12</sup>. В новой редакции этот абзац изложен так: «Спасительным элементом оставался для армянских поэтов их неизменная любовь к родине, которая согревала и оживляла их «парнаские» создания. Историческое значение того дела, которое исполнила школа «турецких армян», — огромно: она в совершенстве разработала литературный язык, усвоила армянской поэзии многие «формы» европейской поэзии (например, особенно усердно культивируя сонеты) и дала не мало созданий, абсолютно прекрасных, позволяющих читателю-армянину на родном языке наслаждаться всем богатством западных литератур».

Значительные дополнения внесены в характеристику творческого пути Шанта.

В первом издании: «Шант (род. в 1869 г.) — более драматург, нежели лирик. Его драмы очень замечательны: одна из них «Старые боги» недавно была переведена на русский язык, но как чистый поэт он облюбовал себе ограниченное место: философских раздумий. Как философ-лирик, Шант создал ряд

Во второй редакции: «Шант (род. в 1869 г.) — более драматург, нежели лирик. Его драмы очень замечательны: одна из них, «Старые боги», переведенная на русский язык, была истинным событием в армянской литературе, да и в любой заняла бы почетное место по интересности общего замысла и глубине

<sup>12</sup> Там же, стр. 83—84.

превосходных стихотворений, глубоко продуманных и тонко исполненных. Особое очарование поэзии Шанта коренится в совершенной гармонии между формой и содержанием: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена в данных образах и никаких иных»<sup>13</sup>.

характеристик; другая — «Император» — также произвела впечатление при своем первом появлении на сцене (1916). Шант облюбовал себе ограниченное место автора философских раздумий. В этом роде Шант создал ряд стихотворений, глубоко продуманных и тонко исполненных. Особое очарование поэзии Шанта коренится в совершенной гармонии между формой и содержанием: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена только в данных образах и никаких иных. При этом язык Шанта средний между языком двух школ: «турецких» и «русских армян». Шант стремится писать так, чтобы его произведения были равно понятны и армянам русским и живущим на западе. Довольно, что сам Шант в последние годы живет в России (в Тифлисе и в Баку). Несомненно, литературной деятельности Шанта еще предстоит широкое будущее: его творчество растет, крепнет, и от него армянская литература вправе ждать много замечательных созданий».

Изменена и последовательность характеристик поэтов школы «турецких армян». Вслед за Шантом рассматривается творчество Ваана Тэкяна, затем — Сипил.

Далее, говоря в очерке о «продолжателях начатого Тэрнаном дела», Брюсов назвал Тер-Мартirosяна, Арменуи Тигранян, талантливую поэтессу, скрывавшуюся под псевдонимом Лейли, и других. К этому Брюсов добавляет: «Можно упомянуть и имя Константа Царнана, обратившего на себя внимание своими стихами об Армении в дни войны, появившимися первоначально в итальянском переводе».

Наконец изменения во «Вступительном очерке» внесены в часть, касающуюся Даниэля Варужана и Сиаманго. Указав, что если в поэзии Ваана Тернана и у его последователей из школы «русских армян» делается все больший упор в сторону мастерства и строгости техники, а у молодых поэтов школы «турецких армян» — в сторону большего углуб-

<sup>13</sup> Там же, стр. 84—85.



У  
КРУНКЪ.

*Крункъ! откуда ты? крикъ твой гудитъ безъ словъ!  
Крункъ! не съ огнемъ ли ты изъ родины уходишь?  
Къ какой долетимъ вѣтъ въ лѣсъ нежданный?  
Крункъ! не съ огнемъ ли ты изъ родины уходишь?*

Твой покинулъ садъ я въ родной странѣ,  
Чуть вздохну, душа—вся горитъ въ огнѣ.  
Крункъ! постой! твой крикъ—нѣжить сердце мнѣ.  
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучать,  
Крикъ твой слаще, чѣмъ—въ скалахъ водопадъ.  
Твой въ Алеппо путь? иль летишь въ Багдадъ?  
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Сердце звало насъ,—собрались, ушли,  
Въ лживомъ мірѣ мы братьевъ не нашли,  
И тоскуемъ здѣсь, отъ друзей вдали...  
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Медленна гсодовъ въ мірѣ черепа.  
Да услышитъ Богъ, растворитъ врата!  
Жизнь хариба—грусть, взоръ—въ слезахъ всегда.  
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Боже! пожалѣй, кто живетъ изгнанъ!  
Грудь хариба<sup>1</sup>—скорбь, сердце—полно ранъ,  
Хлѣбъ, что ѣсть онъ желчь, ключъ, что пьеть,—поганъ...  
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Праздниковъ мнѣ нѣтъ, будни—день за днемъ!  
Вертеломъ пронзенъ, я сожженъ огнемъ.

<sup>1</sup> Крункъ—журавль.

<sup>2</sup> Харибъ—живущій на чужбинѣ.

ления и большей широты содержания, Брюсов писал в первом издании: «Особенно заметно это в стихах двух молодых деятелей западноармянской литературы: Даниэля Варужана и Сиаманто (псевдоним Атома Ярджаньяна). О том, какие надежды в будущем можно соединить с этими именами, сейчас говорить затруднительно, так как есть горестное известие, будто оба молодых писателя трагически погибли в страшные дни начала великой войны (впрочем, есть и противоположный слух, утверждающий, что обоим им удалось спастись от турецкой резни). Во всяком случае и то, что уже сделано Варужаном и Сиаманто, достаточно для того, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии»<sup>14</sup>.

Приведенные строки переработаны В. Я. Брюсовым для второго издания следующим образом: «Особенно заметно это в стихах Даниэля Варужана и Сиаманто (псевдоним Атома Ярджаньяна), двух поэтов, которые, в расцвете сил, были отняты у армянской литературы великой войной, так как оба были убиты турками в дни массовых избиений армян... С Варужаном и Сиаманто сошли в могилу лучшие надежды молодой поэзии, но и того, что оба успели сделать за свою краткую жизнь, достаточно, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии».

Мы не станем оценивать и анализировать здесь достоинства и недостатки той переработки, которой подвергся «Вступительный очерк» во второй редакции — это выходит за рамки нашей задачи, ограниченной в основном описанием тех изменений и добавлений, которые сделал Брюсов, и некоторыми комментариями к ним. Веское слово по этому поводу должно принадлежать историкам армянской литературы, которые определят справедливость обновленных В. Я. Брюсовым оценок ряда армянских поэтов, правомерность переработки «Вступительного очерка» и причины, ее обусловившую.

Имеется ряд данных, что Брюсов собирался поработать и над улучшением своих переводов произведений армянской поэзии. Взыскательный художник, он предъявлял столь высокие требования к себе, что забраковал ряд своих превосходных переводов, которые вышли в свет лишь после смерти поэта. В рассматриваемом экземпляре «Поэзия Армении» свидетельством того, что Брюсов действительно хотел пересмотреть и этот отдел сборника, является неизвестный до сего дня вариант первого четверостишия стихотворения «Крунк», написанный рукой поэта и вклеенный в книгу:

«Крунк! откуда ты? Крик твой жжет без слов!

Крунк! Не с вестью ль ты из родных краев?

К стае долетишь в миг меж облаков!

Крунк! Не с вестью ль ты из родных краев?

Сравнение с армянским оригиналом и известным текстом перевода говорит в пользу новой редакции строфы, более верно передающей

<sup>14</sup> Там же, стр. 87—88.



гнутренний дух подлинника, ее эмоциональное звучание. Одновременно это четверостишие и подтверждение того, что антология явилась для В. Я. Брюсова его кровным, любимым детищем, которого он не забывал и к которому постоянно возвращался.

ԻՆՉՊԵՍ Է ԱՇԽԱՏԵԼ Վ. ՅԱ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԸ «ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՆ»  
ԺՈՂՈՎԱԾՈՒԻ ԵՐԿՐՈՐԴ ՀՐԱՏԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ

Ղ. Վ. ԱՅՎԱԶՅԱՆ

(Ա մ փ ա փ ու մ)

Ուսումնասիրողների ենթադրությամբ, «Հայաստանի պոեզիան» ժողովածուի ունեցած հաջողությունը դրդեց Բրյուսովին զբաղվելու նրա երկրորդ հրատարակությունը պատրաստելու գործով: Բայց վերջերս միայն հաջողվեց գտնել անթղոգիայի այն օրինակը, որ պոետի համար ծառայել էր տրպես սեագրություն՝ իր մտադրությունն իրագործելիս, որը և հաստատեց բանասերների ենթադրությունը:

Բրյուսովի մտքած փոփոխությունները վերաբերում են նախ և առաջ ժողովածուի կառուցվածքին. ներածական հոդվածների, այսպես կոչված «խմբագրության բացատրությունների» որոշ գլուխներ իրար են միացված, «Ժողովրդական պոեզիա», «Միջնադարյան պոեզիա» և «Աշուղական պոեզիա» բաժիններում պոետիկ նյութը ըստ հեղինակների բաշխման վիճարեն հետևողականորեն անց է կացվում ժամանակագրական սկզբունքը, ըստ որում, նոր ենթաբաժիններում պահպանված է թեմատիկ-գաղափարական, ժանրային և ոճական միասնությունը:

Զգալի վերամշակման է ենթարկվել «Հայաստանի պոեզիան» և նրա միասնականությունը դարերի ընթացքում» պատմա-գրական ակնարկը (որոշ հատվածներ կրճատված են, մյուսներում լրացումներ են արված), որի հետևանքով գրական երևույթների վերլուծությունը գիտականորեն ավելի ճշգրիտ է դարձել: Եվ, վերջապես, անթղոգիայի այս օրինակի մեջ է մտցված «Կոունկ» բանաստեղծության առաջին քառյակի նոր խմբագրությունը. դա վկայում է այն մասին, որ Բրյուսովը մտադիր էր վերամշակել հայ պոեզիայից կատարած իր թարգմանությունները: